

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ВЪ

КАРРИКАТУРАХЪ

И

АНЕКДОТАХЪ

Памятникъ Горькому отъ босяковъ.
Карриатура Овода.

Стрекозс.

ВИКТОРЪ РУСАКОВЪ

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ВЪ

КАРРИКАТУРАХЪ

И

АНЕКДОТАХЪ

+

Съ 46 иллюстраціями

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903.

Настоящій очеркъ былъ напечатанъ въ журналѣ
«Новый Міръ», № 106.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 мая 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л.; д. 5.

1878	ой	годъ.	Поступилъ «мяльчикомъ» въ магазинъ обуви.
1879	»	»	Былъ ученикомъ у чертежника.
1880	»	»	Служилъ поваренкомъ на пароходѣ.
1883	»	»	Работалъ въ крендельномъ заведеніи.
1884	»	»	Былъ пильщикомъ дровъ.
1884	»	»	Перешелъ на занятія грузчика.
1885	»	»	Состоялъ хлѣбопекомъ въ пекарнѣ.
1886	»	»	Былъ хористомъ въ мелкой оперной труппѣ.
1887	»	»	Торговалъ яблоками.
1888	»	»	Покушался на самоубійство.
1889	»	»	Занялъ должность желѣзнодорожнаго сторожа.
1890	»	»	Исполнялъ обязанности завѣдующаго метлами и брезентами на желѣзнодорожной станціи.
1890	»	»	Поступилъ письмоводителемъ къ присяжному повѣренному.
1891	»	»	Сталъ бродить по Россіи и работалъ на соляныхъ промыслахъ.
1892	»	»	Служилъ рабочимъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.
1892	»	»	Написалъ первый разсказъ.
1903	»	»	Всемирно извѣстный писатель, имя и произведенія котораго сдѣлались популярными среди интеллигентныхъ читателей всѣхъ странъ.

Такова въ краткихъ словахъ «исторія жизни» Максима Горькаго, къ которой необходимо еще

прибавить, къ ея послѣдному, десятилѣтнему періоду, что въ промежутокъ между 1892 и 1903 г.г. Горькій: 1) сдѣлался драматургомъ, фельетонистомъ и публицистомъ; 2) приобрѣлъ на деньги, заработанныя литературою, фирму «Знаніе» и сдѣлался *издателемъ* и 3) купилъ на литературу же нажитые капиталы большое имѣніе и сталъ *крупнымъ помѣщикомъ*.

Сынъ бѣднаго нижегородскаго обойщика, осиротѣвшій на четвертомъ году жизни, воспитанный дѣдомъ по матери, бывшимъ бурлакомъ, затѣмъ приказчикомъ на караванѣ и, наконецъ, владѣльцемъ красильнаго заведенія, брошенный матерью сирота, въ теченіе всего только пяти мѣсяцевъ посѣщавшій школу и не получившій никакого образованія, много на своемъ вѣку голодавшій и претерпѣвшій массу невзгодъ, — Горькій, на 33-мъ году жизни, становится вполнѣ обеспеченнымъ человекомъ, однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ популярныхъ людей Россіи, однимъ изъ самыхъ модныхъ и наиболѣе читаемыхъ писателей всей Европы.

Нечего, кажется, и подчеркивать, что такая быстрая *жизненная карьера* представляетъ нѣчто необычное, изъ ряда вонъ выдающееся, совершенно новое.

Точно также нѣчто изъ ряда вонъ выдающееся

представляет собою и литературная карьера Горькаго. Всего десять съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, онъ, въ качествѣ простого желѣзнодорожнаго рабочаго, отдаетъ на судъ редакціи мало распространеннаго провинціального листка первый свой разсказъ «Макаръ Чудра»,—а теперь его

По поводу портретовъ знаменитаго писателя.

М. Горькій (въ 1901 г.). «.: что я: Венера Медичи, утопленникъ, или балерина, что вы на меня глазѣете?...»

Изъ газетъ (въ 1902 г.). «... писатель М. Горькій обнаруживаетъ необыкновенную охоту сниматься и карточки допускать въ продажу..»

Петерб. Газета.

имя гремитъ на весь міръ, его сочиненія читаютъ на-расхватъ, ихъ комментируютъ, о нихъ спорятъ, о нихъ и объ ихъ авторѣ читаются публичныя лекціи и пр. и пр. То, чего другіе писатели тщетно добиваются десятками лѣтъ—Горькому удалось достигнуть на первыхъ же порахъ его литературной карьеры.

Мы стоимъ безусловно передъ небывалымъ въ литературѣ явленіемъ. Пусть утверждаютъ, что причина успѣха Горькаго кроется въ томъ, что онъ взялся изображать ту часть человѣчества, которая раньше или совершенно игнорировалась въ литературѣ, или изображалась недостаточно рельефно; пусть говорятъ, что главную долю его успѣха слѣдуетъ приписать необыкновенной жизненной карьерѣ писателя - самородка; пусть спорятъ о томъ, составляетъ ли основу успѣха Горькаго положенная въ основу его произведений жизненная философія, или же социальное направле-

«Зазнавшійся писатель» М. Горькаго.
Карриатура Миши Азб. Петербург. Газета.

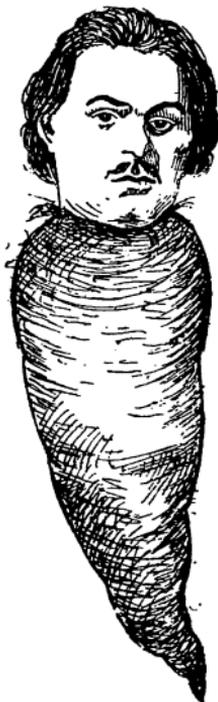
Максимъ вполне Горькій.
Пребригинальный способъ приобрѣтенія поклонниковъ-
почитателей.

Шутъ.

ніе этихъ произведеній—но фактъ успѣха, успѣха небывалаго, колоссальнаго, несомнѣненъ.

Этотъ успѣхъ не могъ не найти отголоска въ

Къ рѣчи Горькаго въ 1901 г.
Публика горькой рѣдкѣ
Надоѣла хуже горькой рѣдкѣ.

Петерб. Газета.

томъ родѣ искусства, который является всегда отраженіемъ популярности въ данное время—въ карикатурѣ. Можно смѣло сказать, что ни одинъ

изъ писателей не служилъ такъ часто сюжетомъ для карикатуръ, какъ Максимъ Горькій, ни одному изъ писателей—не только русскому, но и западному—не было посвящено столько карикатурныхъ рисунковъ, какъ Горькому.

Несомнѣнно, что сама личность Горькаго, его привычка одѣваться въ русскую блузу, его бога-

Максимъ Горькій и московская публика.
Изъ альбома Юса Большого. *Новое Время.*

тое событіями прошлое, но, больше всего, тотъ міръ босяковъ, изображеніе котораго составляетъ, такъ-сказать, «спеціальность» автора «Мальвы», являлись очень подходящимъ и благодарнымъ матеріаломъ для карикатуръ. Тѣмъ не менѣе только съ 1901 года карикатуристы «занялись», что называется, «во всю» бытописателемъ бося-

Новыя фотографіі «моднаго писателя».

Наше Время.

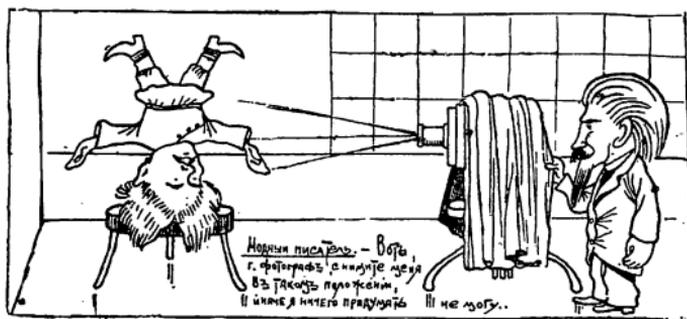
чества, и только съ того времени страницы юмористическихъ и сатирическихъ листковъ, газетъ и пр. стали пестрѣть карриатурами на Горькаго.

Первымъ толчкомъ послужилъ эпизодъ съ Горькимъ въ 1901 г. въ Московскомъ Художествен-

Безконечно снимаясь у фотографовъ во всехъ возможныхъ и невозможныхъ видахъ и позахъ, Максимъ Горькій загорюндается придумать что-либо новое. Ему осгалось только сняться «балериной». — *Осколки.*

номъ театрѣ на пьесѣ Чехова «Дядя Ваня», гдѣ публика, въ антрактѣ, узнавъ Горькаго—уже въ то время очень популярнаго и извѣстнаго—окружила писателя и не давала ему прохода. Горь-

Новый писатель. — Вотъ, г. фотографъ, снимите меня въ такомъ положеніи. Иначе я ничего придумать не могу.

Наше Время.

кій не стерпѣлъ и, обращаясь къ окружившимъ его стѣною любопытнымъ, сказалъ:

— Чего вы глазѣте на меня? Я—не Венера Медицейская, не багерина, не утопленникъ; что интереснаго во внѣшности человѣка, который пишетъ рассказы? Идите смотрѣть чудную пьесу Чехова, а не занимайтесь пустяками...

Слова Горькаго были подхвачены репортерами, появились на столбцахъ газетъ и... «пошла писать губернія». Самъ Горькій, протестуя противъ приведенныхъ въ газетахъ въ искаженномъ видѣ его словъ, подтвердилъ ихъ, однако, въ общихъ чертахъ, и затѣмъ, въ рассказѣ «О писателѣ, который зазнался», еще разъ подробно коснулся эпизода, сдѣлавшагося уже между тѣмъ сюжетомъ многочисленныхъ каррикатуръ. Горькаго стали

Одинъ изъ еще не появившихся портретовъ Максима Горькаго.

«Хотя онъ не балерина, но у него все *вытанцовывается*».

изображать то въ видѣ Венеры Медицейской, то въ видѣ утопленника, то въ видѣ балерины. Большею частью однако—въ послѣднемъ видѣ. И до сихъ поръ еще нѣтъ-нѣтъ и въ каррикатурныхъ листкахъ появляется портретъ Горькаго въ костюмѣ балерины.

Причина, почему на первыхъ порахъ литературной славы Горькаго каррикатуры на него появлялись очень рѣдко, состояла отчасти въ томъ, что нигдѣ нельзя было найти портрета Горь-

— Какой горькій медъ, никакъ не могу добраться «до дна».

Звѣзда.

каго. Говорили даже, что Горькій, считая, что не слѣдуетъ потакать любопытству публики относительно внѣшности писателя, не хотѣлъ сн-

Послѣ «Мѣщанъ».

Максимъ Горькій размышляетъ: драматургъ-ли онъ
или нѣтъ. *Наше Время.*

маться и наотрѣзъ отказывалъ всѣмъ, кто желалъ имѣть его портретъ. Существуетъ рассказъ, какъ въ первую бытность Горькаго въ Петер-

- Ба, Аркадій, откуда и куда?...
- А вы, Геннадій Демьянович?!..
- Изъ Москвы въ Питеръ.. Москву пощипали,
теперь въ Питеръ ѣду за тѣмъ-же...

Развлеченіе.

бургѣ друзья обманомъ вздумали пѣтащить его къ фотографу, и какъ Горькій убѣждалъ, узнавъ о намѣреніи «снять его». Впослѣдствіи отвраще-

По поводу покупки Горькимъ книгоиздательства «Знаніе».

Карикатура С. Перо.

Петерб. Газета.

ніе къ портретамъ и снимкамъ очевидно улеглось у Горькаго. Въ продажѣ стали появляться безчисленные портреты автора «Макара Чудры» во всѣхъ видахъ и позахъ, но большею частью въ

Торжественный вводъ во владѣніе (по поводу покупки Горькимъ имѣнія).

Босьякъ. Эхъ, Горькій, горько мнѣ, что ты на мнѣ во-онъ куда выѣхалъ, а мнѣ все попрежнему не сладко!... *Петерб. Листокъ.*

его излюбленномъ костюмѣ—рабочей блузѣ. Каррикуристы подмѣтили слабость Горькаго относительно портретовъ и стали угощать публику цѣлыми коллекціями каррикурирныхъ портретовъ писателя. На одной таблицѣ такихъ портретовъ, помѣщенной въ «Нашемъ Времени», Горькій изображенъ въ 15-ти разныхъ «стиляхъ».

На очень многихъ каррикурахъ Горькій изображенъ вмѣстѣ съ знаменитымъ пѣвцомъ Ф. И. Шаляпинымъ. Это объясняется тѣмъ, что они—

Два друга.

Ма́ксимъ Горькій (хвастливо).

— А я имѣніе купилъ!

Цаляцинъ (плача).

— А я еще не ку-у-ушилъ!

Шутъ.

близкіе друзья и вмѣстѣ скитались въ концѣ девятидесятихъ годовъ на казанскомъ устьѣ, ночуя на плоткахъ, на баркахъ, питаюсь чѣмъ Богъ пошлетъ, терпя нужду и лишенія. Какъ-разъ около 1886 года казанскій оперный антрепренеръ Орловъ-Соколовскій набиралъ хоръ; недостатка въ желающихъ, конечно, не было. Рѣшилъ попытать счастья попасть въ оперные хористы и М. Горькій; на пробу голосовъ явился и Ф. И. Шаляпинъ. Судьба улыбнулась будущему писателю: проба для него оказалась очень благопріятной—его зачислили въ хористы, между тѣмъ какъ Шаляпина забраковали. Кто слышалъ Горькаго, съ

Горькій и Шаляпинъ.

Наше Время.

его удивительно грубымъ басомъ, тотъ, конечно, не можетъ не улыбнуться при мысли, что Горькаго предпочли Шаляпину. На самомъ-же дѣлѣ, по разсказу Горькаго, у него въ юности былъ прекрасный теноръ. Однажды, во время службы на

Максимъ Горькій поступилъ въ «передѣлку».
Рис. О. Добраго.

желѣзной дорогѣ, Горькому пришлось сторожить темной осенью, въ отвратительную погоду, груды мѣшковъ. Вѣтеръ срывалъ брезенты, покрывавшіе мѣшки, и Горькому пришлось лѣзть на груду, закрывать мѣшки. Вдругъ вѣтромъ его завернуло въ брезентъ и сбросило на полотно; онъ

Шаляпинъ и Максимъ Горькій.
Новѣйшіе Орестъ и Пиладъ.
Стрекоза.

ударился о рельсы и лишился чувствъ. Затѣмъ образовалась какая-то болѣзнь: вся шея страшно распухла, въ горлѣ сдѣлалось огромнѣйшее нагноеніе, которое едва не задушило несчастнаго. Послѣ вскрытія нарыва, Горькій долго ничего не могъ говорить, а когда появился опять голосъ, то онъ оказался уже не теноръ, а жесткій басъ.

Приключеніе съ пробой голосовъ и разказъ о потерѣ Горькимъ голоса не вошелъ въ опубли-

Максимъ Горькій прогоняетъ устроителей благотворительныхъ концертовъ, приглашающихъ его выступить на эстрадѣ.

Наше Время.

кованные отрывки автобіографіи Горькаго, написанной, по просьбѣ С. А. Венгерова, для «Словаря русскихъ писателей». Между тѣмъ, эта автобіографія—пока единственный матеріалъ для жизнеописанія даровитаго писателя. Но несмотря на массу фактовъ, которыми богата эта автобіографи-

ческая замѣтка, въ нее не вошли еще многіе интересные эпизоды изъ жизни Горькаго. Мнѣ какъ-то пришлось говорить по этому поводу съ однимъ изъ близкихъ друзей Горькаго, редакторомъ «Жизни», В. А. Поссе. «Въ жизни Горькаго, — говорилъ мнѣ Поссе, — столько разныхъ происшествій

Къ пьесѣ «На днѣ».

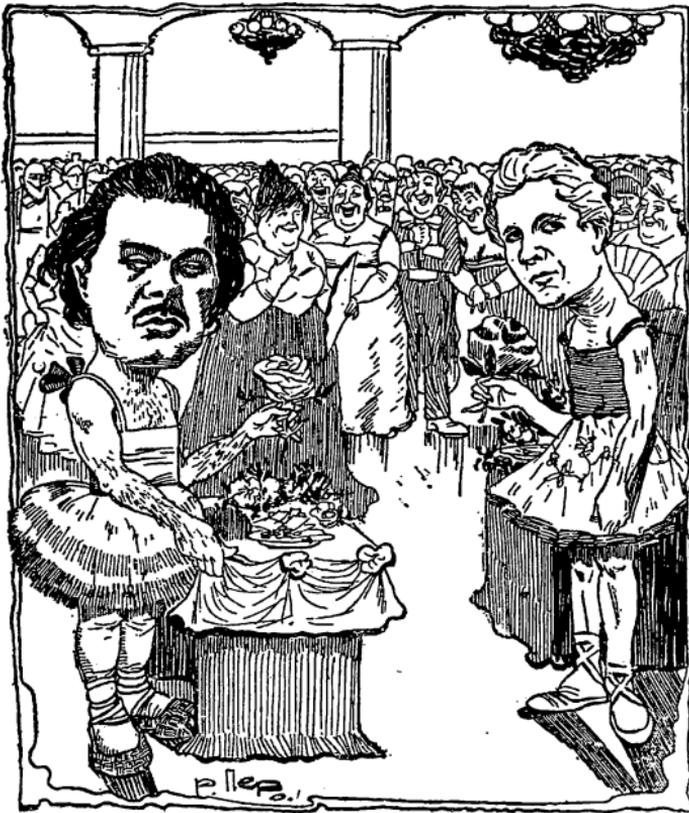
Самъ Максимъ. — Шуллеръ! Мошенникъ! Воръ!
Пьяница! Убійца!

— Какъ вы смѣете! Городовой!

— Что вы! Зачѣмъ городской! Это я «гимнъ чело-
вѣку», а не то, что... инсе прочее!

Петерб. Листокъ.

и приключеній, притомъ совершенно оригинальныхъ, что ихъ хватило бы на три-четыре обширныхъ автобіографіи». Много такихъ отдѣльныхъ эпизодовъ приведены Горькимъ въ его разсказахъ, при чемъ приписаны то одному, то другому герою разсказа.

Г-нъ Горькій и г-нъ Шаляпинъ въ роляхъ балеринъ
на благотворительномъ вечерѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ

Петерб. Газета.

Задача будущаго біографа Горькаго—собрать эти всѣ интересныя черты изъ жизни писателя—далеко не изъ легкихъ, потому что авторъ «Мѣщанъ» не любитъ рассказывать о себѣ, и лишь случайно выходитъ наружу то та, то другая подробность изъ его жизни. Такъ, напр., только недавно появилось извѣстіе, что Горькій намѣре-

Чья возьметъ?

(Горькій, Чеховъ и симпатіи публики).

Петерб. Газета.

вался сдѣлаться театральнымъ антрепренеромъ и директоромъ странствующей драматической труппы. Это случилось во время пребыванія Горькаго въ Тифлисъ въ 1892 году. Проживъ тамъ всего $1/2$ года, Горькій рѣшилъ отправиться съ котомкою за плечами скитаться по російскимъ деревнямъ, на этотъ разъ уже съ опредѣленной цѣлью—давать народныя спектакли вездѣ, гдѣ только

представится возможность. Для этой цѣли онъ сталъ вербовать людей, сочувствующихъ идеѣ народнаго театра. Всѣхъ актеровъ набралось пять, въ томъ числѣ самъ Горькій и одна женщина. По дорогѣ надѣялись увеличить составъ труппы. Но идея о странствующей труппѣ актеровъ не осуществилась, и многочисленныя профессіи, которыми занимался Горькій, не увеличились актерскою...

Вообще вся жизнь Горькаго—это въ сущности сплошной рядъ біографическихъ анекдотовъ, иногда смѣшныхъ, но большею частью грустныхъ.

По поводу пьесы «На днѣ».

Литературный ассенизаторъ и публика.

Я привезъ тебѣ подарокъ, и подарокъ не простой...

Я нашелъ его въ помояхъ «на днѣ»... ямы выгребной!

Петерб. Листокъ.

Босякъ и интеллигентъ цѣлуются.
Горькій (изъ «Ревизора»). — Да благословить
васъ Господь, а я не виноватъ!...

Размеченіе.

По поводу слуха о томъ, что Горькій пишетъ пьесу
изъ жизни евреевъ.

Карриатура Карла Штейна. *Петербург. Газета.*

Не на анекдотъ-ли, напр., смахиваетъ самимъ Горькимъ рассказанный фактъ, что, въ бытность его сторожемъ на желѣзной дорогѣ, начальникъ станціи, весьма довольный его аккуратнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей службы, въ знакъ своего особаго расположенія и довѣрія, заставлялъ будущаго знаменитаго писателя каждое утро выносить помои изъ начальнической кухни?

Не анекдотомъ ли кажется, что Горькій хлопоталъ о мѣстѣ вѣсовщика на желѣзной дорогѣ, но, за неимѣніемъ свободной вакансіи, принялъ постъ сторожа, при чемъ вынужденъ былъ просить «авансомъ» нѣкоторую сумму—на покупку костюма, такъ какъ у него не оказалось теплой одежды?

Не на анекдотъ-ли похоже то, что, служа рабочимъ на желѣзной дорогѣ, простой блузникъ Пѣшковъ (Максимъ Горькій) читалъ другимъ рабочимъ книжки духовно-нравственнаго содержания,

Голова воспѣвающая босыя ноги.

Петерб. Газета.

по географіи, по исторіи, астрономіи, разъяснялъ желѣзнодорожному начальству, кто такіе масоны, исправлялъ канцелярскія бумаги и вызвалъ подозрѣніе, что онъ выгнанный студентъ? А развѣ не анекдотъ—чтенія въ подвалѣ въ Тифлисѣ, гдѣ Горькій-рабочій восторженно читаетъ своимъ то-

Сухово-Кобылинъ и Максимъ Горькій.

Что за странные порядки!

Кто ихъ тайный смыслъ постигъ:

Вѣсятъ тощія тетрадки

Столько-жъ, сколько ворохъ книгъ.

Что-жъ дивиться! зналъ всегда ты,

Будь то прежде иль теперь:—

Фунтъ-ли камня, фунтъ-ли ваты

Вѣсятъ поровну, повѣрь.

Шутб.

варищамъ Байроновскаго «Манфреда» и «Каина» и разъясняютъ имъ значеніе этихъ великихъ произведеній, унося ихъ «въ міръ новый, міръ иной, гдѣ слезъ не надо проливать, гдѣ крикъ души больной не станетъ сердце разрывать щемящею тоской»?

Не на анекдотъ-ли, далѣе, походитъ, что первымъ лицомъ, возбудившимъ въ Горькомъ любовь къ литературѣ, къ чтенію, былъ полугра-

Максимъ Горькій пишетъ новую пьесу и видитъ во снѣ какъ антрепренеры и антрепренерши будутъ умолять его дать имъ эту пьесу для представленія.

мотный поваръ на волжскомъ пароходѣ, хранившій въ сундукѣ такія «классическія» произведенія, какъ «Андрей Безстрашный», «Яшка Смертанскій», «Гуакъ или непреоборимая вѣрность» и т. п.?

Не анекдотомъ-ли, наконецъ, долженъ казаться рассказъ о томъ, что Горькій служилъ нѣкоторое время у евреевъ и получалъ вознагражденіе

«Трое» (Горькій, Скиталецъ и Андреевъ).
Развлеченіе.

за то, что зажигалъ свѣчи на шабашѣ, когда евреямъ, по ихъ религіи, нельзя дотрогиваться до огня?

А между тѣмъ всѣ эти мнимые анекдоты—это дѣйствительные факты, рассказанные частью самимъ Горькимъ, частью его сослуживцами или лицами, которыя сталкивались съ Горькимъ во время его «босяческихъ скитаній», частью его

Современный беллетристъ.

Карриатура Овода.

Стрекоза.

«Максимъ и подмаксимки».

бывшими товарищами, такими-же босяками-скитальцами, какимъ былъ и самъ Горькій во дни своей юности.

Босяки хорошо знаютъ Горькаго. О его литературной дѣятельности обитатели «дна», вѣдно, хорошо освѣдомлены и, конечно, «не разъ бывають» своего «однокашника». Во время быванія Горькаго въ Петербургъ, къ нему то явился типичный петербургскій уличный обыванецъ:

— Что вамъ угодно? — спросилъ его Горькій.

— Я узналъ, что вы пишете новый романъ изъ жизни босяковъ.

— Ну, такъ что-же?

— Такъ вотъ, я хочу вамъ предложить свои услуги въ качествѣ тѣпа.

Горькій не любитъ являться передъ публикою, и во время овацій, которыя устраиваются при чтеніи или исполненіи его произведеній, когда при этомъ присутствуетъ самъ авторъ, онъ бук-

Горькій и Скиталець.
Горькій. Служи!

Искры.

Одинъ изъ памятниковъ
который слѣдовало-бы соорудить
Карриатура Карла Шгейна.

важно прячется отъ публики, и его чуть не силой приходится тащить на сцену, какъ это было, напр., въ Ялтѣ. Еще больше не любитъ Горькій являться въ обществѣ, въ особенности—въ такъ-называемыхъ великосвѣтскихъ салонахъ, хотя его, какъ моднаго писателя, конечно осаждаютъ приглашеніями. Скромный и застѣнчивый писатель чувствуетъ себя въ подобномъ обществѣ, по его собственному выраженію, «точно сжатымъ въ клещехъ», и наотрѣзъ отказываетъ «пригласителямъ», жаждущимъ видѣть его у себя.

Существуетъ, между прочимъ, анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ знатныхъ петербуржцевъ, желая во что бы ни стало показать Горькаго своимъ гостямъ, отправилъ къ нему наемную карету съ двумя нарочно нанятыми сыщиками, которые пріѣхали за Горькимъ, подъ видомъ офиціального приказа объ арестѣ, и повезли писателя... прямо въ домъ остроумнаго петербуржца, полный въ то время гостей. Анекдотъ, несомнѣнно, выдуманный, былъ напечатанъ въ 1902 году въ нѣсколькихъ иностранныхъ газетахъ.

Во время послѣдняго своего пребыванія въ Петербургѣ, Горькій вмѣстѣ съ нѣсколькими писателями отправился въ ресторанъ Палкина. При выходѣ, поздно ночью, группа молодежи узнала о томъ, что между уходившими находится люби-

мый писатель, и мигомъ наполнила подъѣздъ, ожидая его появленія. Какъ-разъ въ это время Горькій, уже одѣтый въ пальто съ большимъ мѣховымъ воротникомъ и мѣховую шапку, ждалъ въ подъѣздѣ спускавшихся по лѣстницѣ товарищей, въ числѣ которыхъ былъ одинъ, одѣтый, какъ и Горькій, въ блузу. Молодежь, не узнавъ Горькаго, къ нему-же обратилась съ вопросомъ: не Горькій-ли этотъ господинъ въ блузѣ, который спускается по лѣстницѣ?—«Онъ самый»,— отвѣтилъ Горькій, быстро уходя изъ ресторана въ предчувствіи нелюбимыхъ имъ овацій. Молодежь моментально подхватила мнимаго Горькаго, стала его качать, чествовать—и ее съ трудомъ удалось убѣдить, что настоящій Горькій... сбѣжалъ.

Вслѣдствіе громадной популярности Горькаго, публика вездѣ и всюду буквально преслѣдуетъ писателя своимъ любопытствомъ. Достаточно появиться слуху, что Горькій пріѣхалъ въ тотъ или другой городъ, какъ уже толпы «поклонниковъ» и «любопытныхъ» поджидаютъ его всюду. Недавно еще въ Севастополѣ толпа, замѣтивъ Горькаго съ ребенкомъ-сыномъ, возящимся на берегу моря, окружила его со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ дальше, толпа росла, и писателю, вообще чуждающемуся публики, пришлось спа-

Максимъ Горькій.
(Изъ каррикатуры «Развлеченія»).

стись чуть-ли не бѣгствомъ отъ назойливости любопытствующихъ.

Иногда это поклоненіе «знаменитости» становится поводомъ даже курьезовъ. Такъ, напр., въ Москвѣ, на Тверской, разыгралась недавно такая сцена.

Горькій въ неразлучной компаніи.

Петерб. Газета.

По улицѣ шель молодой человекъ, нѣсколько похожій на Максима Горькаго, съ дамой подъ руку. Вдругъ изъ толпы гуляющихъ вышла молодая дамочка, подбѣжала къ похожему на Максима Горькаго мужчинѣ и вскричала:—«Великій Максимъ Горькій, прими отъ меня поцѣлуй за

твою великую драму «На дне». — Затѣмъ слѣдовалъ звонкій поцѣлуй. Слѣдовавшая съ расцѣлованнымъ господиномъ дама ударила поклонницу М. Горькаго зонтикомъ. Та отвѣтила, и въ концѣ-концовъ вышла серьезная баталія.

Другой разъ, въ Москвѣ-же, на Чистопрудномъ бульварѣ, толпа приняла какого-то субъекта за Горькаго; вмигъ собралась вокругъ него кучка народа. «Субъектъ», дойдя до Харитоньевскаго переулка, замѣтивъ все возрастающую толпу, которая повторяла «Горькій! Горькій!», вдругъ обернулся и сказалъ:

— Я—паликмахеръ, а вы—шуты гороховые.

Не одной только «большой публики» чуждается Горькій, но и своихъ же братьевъ-писателей. Въ 1901 году, во время пребыванія Горькаго въ Петербургѣ, въ союзѣ писателей, въ то самое время, когда тамъ находился Горькій, одинъ изъ артистовъ труппы Московскаго Художественнаго театра прочелъ его «Пѣснь о соколѣ». По окончаніи чтенія, писатели пожелали устроить овацію Горькому и звали его на эстраду. Но Горькій рѣшительно отказался отъ этого, и лишь по настоянію маститаго предсѣдателя союза, П. И. Вейнберга, на минуту показалъ свою лохматую голову въ дверяхъ зала, сильно смущенный поклонился и немедленно же скрылся.

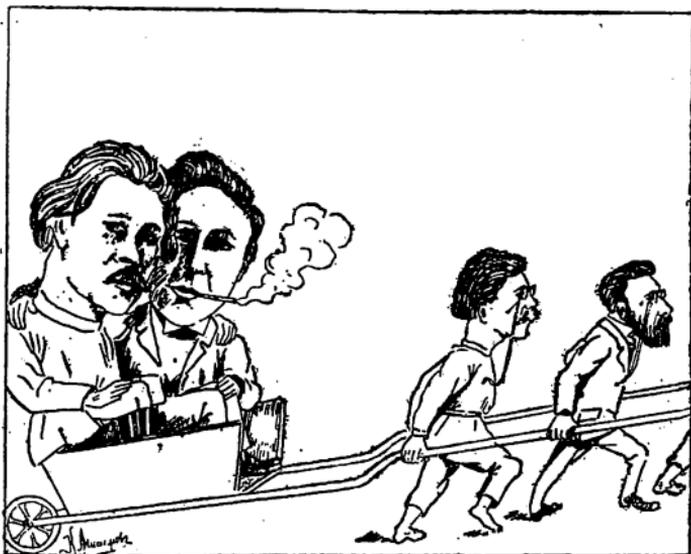

Максимъ и подмаксимовики.
Карриатура Кокка.

Искры.

Другой разъ, въ томъ же союзѣ писателей, во время чтенія разныхъ рефератовъ по случаю 19-го февраля, когда залъ союза былъ биткомъ набитъ и Горькому предложили мѣсто въ первыхъ рядахъ, на нарочно приставленномъ креслѣ,

На прогулкѣ.

Горькій, Шаляпицъ, Скиталецъ и Телешовъ.

Искры.

онъ отклонилъ эту честь, усѣлся въ самомъ концѣ зала, на подоконникѣ и, почти спрятанный за стоявшею тамъ черною доскою, просидѣлъ весь вечеръ, внимательно слѣдя за всѣми рѣчами и рефератами.

Обыкновенно послѣ такихъ рефератовъ въ союзѣ оставался лишь небольшой кружокъ писателей и писательницъ, засиживавшихся за интимною бесѣдою до поздней ночи. Горькій охотно оставался въ этомъ кружкѣ, но сидѣлъ почти всегда молча. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, московскій журналистъ Ермиловъ, великолѣпный чтецъ, сталъ читать рядъ уморительныхъ сценъ своихъ, Чехова и др., вызывая общій смѣхъ. Горькій отъ души смѣялся съ другими. Когда же Ермиловъ исполнилъ весь свой репертуаръ, Горькій спросилъ, нѣтъ-ли подъ рукою сочиненій Глѣба Успенскаго.

— Вотъ кого надо чаще читать,—замѣтилъ онъ, подавая книгу Ермилову, и заставилъ его прочесть цѣлый рядъ сценъ изъ рассказовъ Успенскаго.

Горькій не любитъ новыхъ знакомствъ, а въ особенности съ такими лицами, которыя представляются ему въ качествѣ поклонниковъ и курятъ ему фиміамъ.

— Нравятся вамъ мои рассказы—такъ читайте ихъ, но зачѣмъ вы мнѣ это говорите, — отрѣзалъ Горькій одному изъ хвалителей.

Какъ-то разъ, во время посѣщенія Горькимъ въ 1901 году союза писателей въ Петербургѣ, къ нему, стоявшему въ углу съ книжкой въ ру-

Максимъ Горькій.

— Босяковъ, босяковъ, кому надо босяковъ!?!... са-
мые свѣжіе!...
Стрекоза.

къ, въ чтеніе которой Горькій всецѣло углубился, подходитъ одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ.

Скиталець, Горькій и Леон. Андреевъ.

Андреевъ. Пробиваль, пробиваль я собственнымъ лбомъ эту проклятую стѣну, загораживающую мнѣ дорогу къ литературной извѣстности, даже шишку набилъ на лбу, а она ни съ мѣста.

Искры.

— Позвольте представиться, Алексѣй Максимовичъ, я такой-то, авторъ цѣлаго десятка ста-

тей про васъ, которыя вы, вѣроятно, знаете; кромѣ того, я читалъ лекцію про васъ...

Горькій молча протянулъ руку, произнесъ обычную фразу «очень радъ» и... продолжалъ прерванное чтеніе.

— Я вотъ собираюсь опять посвятить вамъ рядъ статей,—говорилъ между тѣмъ критикъ,—я хотѣлъ-бы съ вами по этому поводу объясниться.

— Что за охота вамъ писать обо мнѣ, читать про меня, — прервалъ его вдругъ почти со злостью Горькій, не поднимая глазъ съ книжки,— вѣдь столько другихъ болѣе важныхъ темъ...

Критикъ, не ожидавшій такой «встрѣчи» со стороны Горькаго, былъ буквально поставленъ втупикъ: онъ ждалъ обычной благодарности, любезностей и—вдругъ такой «аффронтъ».

Но почтенный критикъ могъ успокоиться, ибо подобное же странное поведеніе проявляетъ Горькій по отношенію ко многимъ изъ тѣхъ, которые желаютъ во что бы то ни стало съ нимъ познакомиться, сблизиться, какъ со «знаменитостью»...

Горькій женатъ. Его жена, Екатерина Павловна, урожденная Волжина, дочь офицера, получившая тщательное и всестороннее образованіе. Она работала въ качествѣ корректорши и частью конторщицы «Самарской Газеты», въ которой Горькій писалъ фельетонъ и передовыя статьи. Та-

Алешка-Горькій изъ «На днѣ».

— Я ничего не хотѣлъ и ничего не желалъ, но я человекъ отчаянный и теперь у меня всемирная слава, крупный капиталъ, большое имѣніе, издательская фирма и обезпеченное будущее.

кимъ образомъ ихъ знакомство началось «въ газетѣ».

Теперь у Горькаго двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка: четырёхлѣтній Максимка и двухлѣтняя Катя.

Горькій—образцовый семьянинъ и отецъ и оказываетъ дѣтямъ своимъ ту именно родитель-

«Петербургскій маскарадъ». Костюмы героевъ дня.
Наше Времл.

скую любовь и уходъ, которыхъ самъ не зналъ въ дѣтствѣ.

Одинъ изъ газетныхъ корреспондентовъ посѣтилъ какъ-то квартирную хозяйку, у которой Горькій нанималъ помѣщеніе въ первые годы своей женитьбы. Хозяйка, между прочимъ, рассказала о необычайной любви Горькаго къ пти-

цамъ, которымъ онъ посвятилъ цѣлую комнату въ своей небольшой квартирѣ, ухаживая за ними, какъ настоящій любитель.

Квартира Горькаго въ Нижнемъ-Новгородѣ (гдѣ онъ живетъ постоянно, отлучаясь лишь для лѣтнихъ поѣздокъ въ Ялту и зимнихъ—по издательскимъ и авторскимъ дѣламъ въ Петербургъ и Москву) всегда полна гостей. Здѣсь можно встрѣтить и босяковъ, навѣщающихъ усердно писателя и выпрашивающихъ у него подачку, и представителей богатаго купечества, среди котораго у Горькаго много поклонниковъ, и представителей литературы, искусства, массу молодежи и пр. Постоянные же гости Горькаго—это тотъ кружокъ молодыхъ писателей—единомышленниковъ Горькаго, какъ Андреевъ, Скиталецъ, Чириковъ, Бунинъ, Телешовъ, которые образовали тѣсное общество «подмаксимковъ». Всѣ они, конечно, восторженные поклонники Горькаго и каждое новое произведение писателя встрѣчаютъ съ восторгомъ.

Лкбобытно, что самъ Горькій относится къ своимъ произведеніямъ довольно строго и многія изъ нихъ считаетъ неудачными. Больше того: Горькій ни за что не соглашается включить въ собраніе своихъ разсказовъ цѣлый рядъ мелкихъ свѣихъ произведеній, напечатанныхъ въ провинці-

Некрасовъ о Горькомъ.

Ихъ сговорили чередой
И обвѣнчали вскорѣ.
Какъ думаешь, читатель мой,
На радость или горе?

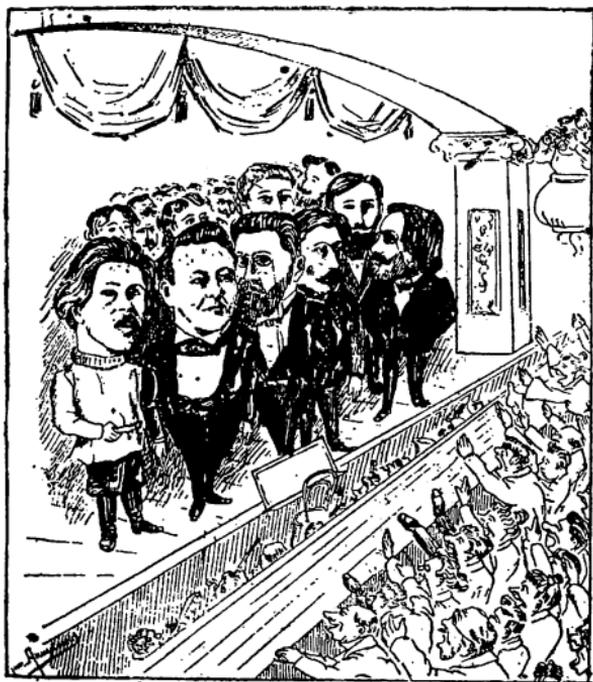
«Прекрасная партія».

Каррикатура М. Михайлова.

Шутъ.

альныхъ газетахъ и разныхъ сборникахъ, утверждая, что это «пустяки, которые должны быть забыты», хотя на самомъ дѣлѣ между ними есть

Дивертисементъ.

Кар. Анисимова. *Наше Время.*

прекрасныя вещи, не хуже многихъ другихъ рассказовъ Горькаго. О своихъ «Мѣщанахъ» Горькій тоже не высокаго мнѣнія. Въ бытность свою въ Москвѣ, Горькій смотрѣлъ «Мѣщанъ»

въ Художественномъ театрѣ и, по окончаніи, уходя, сказалъ:

— Вотъ скучища-то!

• Слова эти были переданы въ печати и тотчасъ вызвали рядъ своего рода восторженныхъ протестовъ по телеграфу со стороны артистическихъ труппъ и публики въ Ростовѣ-на-Дону, Новгородѣ и др. городахъ, гдѣ въ это время тоже ставили «Мѣщанъ».

Литературная скромность Горькаго высказалась въ еще слѣдующемъ фактѣ. Когда гр. Л. Н. Толстой откровенно заявилъ Горькому, что пьеса «На днѣ» ему не нравится и что для драмы нужно драматическое положеніе, Горькій съ обычною скромностью отвѣтилъ, что ему «это не удаётся». Этотъ отвѣтъ автора «На днѣ» рассказывалъ самъ гр. Л. Н. Толстой навѣстившему его Ю. Бѣляеву.

Послѣ появленія въ свѣтъ «Оомы Гордѣева», цѣлыя десятки передѣльвателей стали осаждать Горькаго просьбами разрѣшить передѣлать этотъ романъ въ пьесу. Горькій пробовалъ протестовать, указывалъ, что писателю должна быть предоставлена свобода, «говорить съ публикою въ той художественной формѣ, какую онъ считаетъ наиболѣе подходящей». Но протесты не помогали. Несмотря на существованіе уже нѣсколь-

— Грязи-то, грязи сколько я имъ привезъ, даже самое дно разворотилъ,—а имъ все еще мало!

Развлечение.

кихъ, поставленныхъ на сцену передълокъ «Фомы Гордѣва», Горькаго продолжали осаждать новые и новые передѣльватели. Между прочимъ, явился къ Горькому съ готовою передѣлкою «Фомы Гордѣва» одинъ извѣстный петербургскій артистъ и антрепренеръ, умоляя писателя прочесть его «передѣлку».

— Хорошо, оставьте, непременно прочту, — отвѣтилъ Горькій и на поданной ему рукописи отмѣтилъ цифру 37.

— Что значигъ эта цифра? — спросилъ, недоумѣвая, антрепренеръ-передѣльватель.

— Это номеръ по счету представленныхъ мнѣ для разсмотрѣнія передѣлокъ моего романа, — отвѣтилъ спокойно Горькій.

«Передѣлываемый Горькій» послужилъ, конечно, тоже темою для каррикатуръ.

На нѣсколькихъ карриатурахъ — Горькому воздвигается памятникъ. Очень характерною въ этомъ отношеніи является удачная карриатура Овода въ «Стрекозѣ».

Не обошла карриатура и факта приобрѣтенія Горькимъ издательской фирмы «Знаніе» и указала, что съ приобрѣтеніемъ *Знанія* Горькій приобрѣлъ то, чего ему доставало. Покупка же богатаго имѣнія вызвала появленіе карриатуры, въ которой босякъ, изнемогающій подъ тяжестью сочиненій Горькаго, жалуется, что «вотъ онъ,

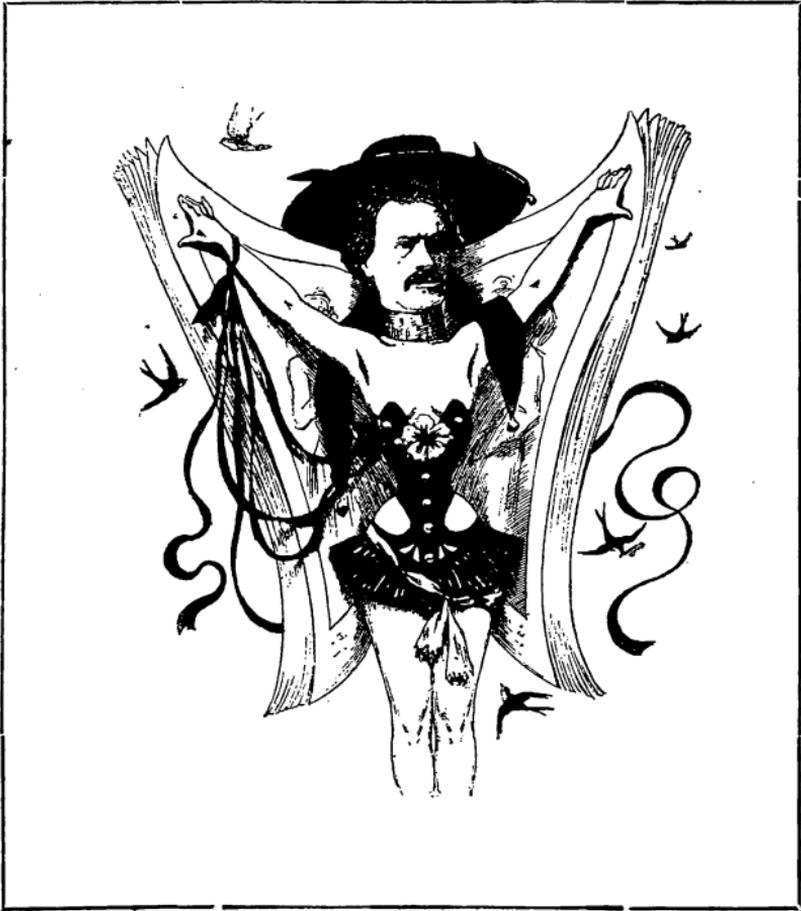
Горькій, куда выѣхалъ на босякахъ, а намъ, босякамъ, по-прежнему не сладко».

Намѣреніе Горькаго написать повѣсть изъ жизни евреевъ вызвало тотчасъ же появленіе карикатуры, на которой босяки упрекають Горькаго: «на кого ты насъ оставилъ».

Какъ подобаетъ босяцкому писателю, на большинствѣ карикатурныхъ портретовъ Горькій изображенъ босякомъ, въ отрепьяхъ, или же наигрывающимъ на гармоникѣ «удалымъ молодцомъ».

За послѣднее время каррикатуристы все чаще и чаще изображаютъ Горькаго въ кружкѣ его ближайшихъ литературныхъ друзей и товарищей: Скитальца, Бунина, Чирикова, Андреева. Кружокъ этотъ, получившій прозвище «подмаксимовки» и частью живущій «отраженіемъ славы Горькаго», послужилъ предметомъ цѣлаго ряда довольно остроумныхъ и злыхъ каррикатуръ, въ которыхъ осмѣиваются окружающіе Горькаго писатели,—пигмеи сравнительно съ нимъ, великаномъ:

Кромѣ тѣхъ каррикатуръ на Горькаго, которыя помѣщались въ юмористическихъ журналахъ и нѣкоторыхъ газетахъ (особенно усердно помѣщаетъ каррикатуры на Горькаго «Петерб. Газета»), среди поклонниковъ писателя очень распро-

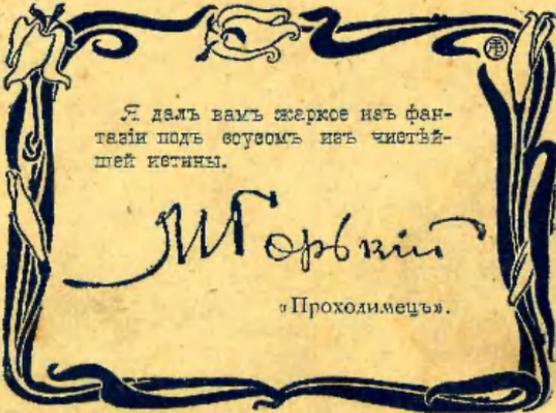
Иллюстрація къ изреченію Горькаго.
Книга вещь мертвая, ее какъ хочешь бери, рви,
ломай—она не закричитъ.—«Томъ Гордѣвъ».
Карриатура О.

странены не появлявшіяся въ печати каррикатуры на него, рисованныя отъ руки. Рядъ такихъ каррикатуръ, большею частью въ краскахъ, нарисованъ петербургскимъ журналистомъ Каррикомъ, который, между прочимъ, усердно портретировалъ Горькаго въ каррикатурныхъ позахъ во время его пребыванія въ Петербургѣ, на вечерахъ союза писателей и на товарищескихъ ужинахъ писателей.

Какъ ни многочисленны и разнообразны каррикатуры на Горькаго (самое большое собраніе такихъ каррикатуръ имѣется у Ф. Ф. Фидлера, въ Петербургѣ, собравшаго интересную коллекцію портретовъ, каррикатуръ и разныхъ вещественныхъ воспоминаній русскихъ писателей, которая подъ названіемъ «Русскаго литературнаго музея» описана въ № 94 «Новаго Мира»); каррикатаурами изъ этой коллекціи мы пользовались и при составленіи настоящаго очерка), однако, въ нихъ далеко не отражаются ни вся личность Горькаго, ни вся его литературная карьера. Какъ та, такъ и другая вмѣщаютъ въ себѣ еще массу матеріала, какъ для каррикатуръ, такъ и для анекдотовъ.

Я дамъ вамъ жаркое изъ фантазии подлѣ соусомъ изъ чистойшей кетины.

Морвкин

«Проходимецъ».

ЦѢНА 60 КОП.